

УДК 930.85 «1929/1935»+069.41

Н.П. Матханова

**В.Д. Бонч-Бруевич и «академическое дело»:
помощь репрессированным историкам**

Аннотация. Рассматриваются различные оценки деятельности В.Д. Бонч-Бруевича по приобретению материалов для Государственного Литературного музея, приводятся характеризующие ее новые факты. Анализируется его переписка с историками, репрессированными по «академическому делу», сообщаются сведения о многочисленных фактах его помощи арестованным и ссылке.

Ключевые слова: В.Д. Бонч-Бруевич, «академическое дело», Государственный Литературный музей, политические репрессии, ссылка.

N.P. Matkhanova

**V.D. Bonch-Bruevich and the «Academics' Case»:
Help to the Repressed Historians**

Abstract. Different evaluations of V.D. Bonch-Bruevich's activities to obtain materials for the State Literature Museum are discussed. New facts characterizing his activities are given. His correspondence with historians repressed due to the "Academics' Case" is analyzed. Information about numerous facts of his help to the arrested and exiled is presented.

Key Words: V.D. Bonch-Bruevich, «Academics' Case», State Literature Museum, political repressions, exile.

В.Д. Бонч-Бруевич известен как революционер, партийный и государственный деятель, а также как издатель, исследователь религиозных движений, создатель и директор Государственного Литературного музея. У него были обширные связи в среде историков, архивистов, коллекционеров. Его деятельность по комплектованию коллекций ГЛМ получила противоположные оценки. Одни авторы справедливо утверждают, что «подавляющее большинство приобретенных им в это время ценнейших рукописей погибло бы в предвоенные

и военные годы, если бы владельцы этих рукописей не решились передать их в государственный музей, нередко уступив лишь страстной настойчивости директора» [38, с. 163], «без энтузиазма, целеустремленности, фантастической преданности Бонч-Бруевича Гослитмузей в том виде, в каком он существовал в 1930-е годы, просто не состоялся бы» [23, с. 10]. В фундаментальном обзоре личного фонда В.Д. Бонч-Бруевича в РГБ С.В. Житомирская и ее сотрудники указывали на «активную и неутомимую деятельность Бонч-Бруевича... по защите широкого круга людей, подвергшихся необоснованным репрессиям в 1930–1940-х гг.» [19, с. 72–73]. Директор РГАЛИ Т.М. Горяева также отмечает, что он «решал вопросы не только комплектования, но и материальной помощи малоимущим писателям и поэтам» [15, с. 27].

Обвинительную позицию заняли публикаторы писем Бонч-Бруевича Сталину, Ежову и Молотову – писем, в которых он решительно отмежевывается от «двурушников» и «врагов народа», «проклятых троцкистов и зиновьевско-каменевской банды», напоминает о своих заслугах по раскрытию и ликвидации «контрреволюционных организаций, ячеек и отдельных лиц» в 1917–1918 гг., о своей близости к Ленину, и заявляет о своей готовности лично «приступить... к любой работе в области непосредственной борьбы с контрреволюцией» и даже о готовности «привести в НКВД и дочь, и сына, и внука, если они хотя бы одним словом были бы настроены против партии и правительства» [5, с. 151–152].

С.В. Шумихин, сделавший очень много для воссоздания поистине колоссального объема и значения работы Бонч-Бруевича в ГЛМ и высоко оценивавший результаты его деятельности, также отмечал: «... не следует забывать, чего стоила эта настойчивость многим владельцам. Тяжелое материальное положение, часто близкое к нищете, в котором находилось большинство из них, и вполне понятное стремление директора музея всемерно “беречь государственную копейку”, как он сам выражался, могло приводить, как об этом свидетельствуют многочисленные факты из переписки, к настоящим житейским драмам и трагедиям» [41, с. 20–21]. Письма Бонч-Бруевича к наркомам внутренних дел он называл «прямыми доносами», возмущался введением в музей слежки за сотрудниками

[42, с. 70]. И тут же упоминал об арестах близких знакомых Бонч-Бруевича – Л.Б. Каменева, В.И. Невского, А.С. Бубнова, пяти постоянных представителей музея в Ленинграде, сотрудничавших с ГЛМ советских полпредов за границей, и, наконец, аресте и расстреле зятя, Л.Л. Авербаха [42, с. 70–71]. Если добавить не упомянутое в списке имя родной дочери В.Д. Бонч-Бруевича, арестованной вслед за мужем и попавшей в лагерь, – то в этом контексте вряд ли уместно в общем справедливое замечание «о трудности и даже невозможности адекватного восприятия психологии человека тридцатых годов» [42, с. 70].

Иногда директора ГЛМ прямо обвиняют в скупке по дешевке и даже в вымогательстве ценных документов, сотрудничестве ради «добычи» с «органами». В.М. и Е.О. Селезневые пишут: «С циничной откровенностью 16 апреля 1935 года Бонч-Бруевич докладывает В.М. Молотову: он получает сведения “из Ленинграда, где совершается передвижка населения, что многие из отъезжающих, или предполагающих, что они должны будут уехать, творят ужасные дела: то ли не понимая, то ли по злобе, то ли из боязни – уничтожают ценнейшие архивы XVIII и XIX веков”». Он «был готов выехать в Ленинград» и организовать «скупку этих материалов», причем удалось бы «очень понизить» цены. Кроме того, НКВД предлагалось распорядиться, «чтобы при обысках, которые совершаются в Ленинграде и Москве перед высылкой людей, все письменные материалы обязательно были бы отбираемы и чтобы они, таким образом, не могли быть после уничтожены» [35, с. 230]. Затем «в Ленинграде Бонч-Бруевич скупает чуть не даром множество уникальных материалов, о чем 20 августа 1935 года он рапортует Молотову: “Владельцы охотно и с полным доверием передали мне эти материалы в долг, причем оценку их нам удалось очень сильно понизить”. Например, ... за ценнейшие фотографии Сухово-Кобылина Бонч-Бруевич уплатил всего-навсего 225 рублей» [35, с. 230].

Надо учитывать, что существовала и иная, гораздо более радикальная позиция. В докладной записке А.М. Путинцева «К организации ЦЛМ в Москве (о собирании экспонатов)» от 3 апреля 1933 г. предлагалось «издание Советской властью декрета о запрещении частным лицам владеть всяческими ли-

тературными реликвиями» [30, с. 178]. Отказ от подобного решения Бонч-Бруевич объяснял так: «Перед нами был выбор в способах этого извлечения: реквизиция, то есть принудительное изъятие, или добровольное отчуждение за известный эквивалент, выплачиваемый государством. Первый способ представлялся нам нецелесообразным и по своей несвоевременности, и по своей малой продуктивности. После первой операции, может быть и удачной, вся остальная масса владельцев попрятала и даже поуничтожала бы архивы» [30, с. 180]. Тогда удалось «пробить» специальное постановление Политбюро «О скупке ценных литературных архивов», в соответствии с которым «для скупки ценных литературных архивов, принадлежащих выселяемым из Ленинграда лицам», было ассигновано «из резервного фонда СНК 30 тыс. руб.» [14, с. 255].

Биография и деятельность Бонч-Бруевича заставляет предполагать, что приведенная, сугубо прагматичная, аргументация была нарочитой. Известно, что еще до революции он занимался историей общественного движения и общественной мысли, в 1904 г. он «создал Центральную библиотеку и архив ЦК РСДРП в Женеве» [29, с. 38], был связан со многими деятелями отечественной культуры, в том числе с А.А. Шахматовым и В.И. Срезневским (с последним даже дружен), его издательская деятельность была тесно связана с собиранием и изучением материалов религиозных организаций и движений [21, с. 274–276; 40, с. 375–377; 23, с. 214, 229–236; 24, с. 77–78; 16, с. 246–248].

В разгар настоящих погромов интеллигенции и массовых арестов в 1930-е годы Бонч-Бруевич пытался спасти от уничтожения хранившиеся у арестованных и изымавшиеся чекистами архивы. В опубликованных С.В. Шумихиным письмах Бонч-Бруевича главам НКВД «речь идет о противозаконном уничтожении сотрудниками НКВД архивов... после ареста их владельцев... Он с трогательной наивностью просит... “приказать самым строжайшим образом проверить эти ужасные факты” и сделать “необходимые оргвыводы”» [42, с. 73].

Находившийся в ссылке историк, археограф и коллекционер В.Г. Дружинин еще 6 октября 1933 г. (т. е. задолго до обращения самого Бонч-Бруевича в «органы») предлагал ему: «Надо теперь ловить литературные материалы, которые могут

погибнуть. Если бы Вы могли забрать к себе то, что отобрано при обысках! Думаю, нашлось бы много ценного материала!» [18, л. 30 об.]. Так что собиратели и хранители культурного наследия, понимавшие его значение, поддерживали линию директора ГЛМ. О мотивах своих действий сам он писал 10 декабря 1933 г. М.С. Боровковой-Майковой: «... если мы не озаботимся о всех этих документах, то их огромная часть исчезнет... погибнут безвозвратно документы культуры уже ушедшей от нас эпохи» [8, л. 12].

Весомым аргументом в пользу позиции защитников может служить деятельность Бонч-Бруевича во время «академического дела» и после него.

Во введении к публикации доклада Г.М. Кржижановского в Обществе историков-марксистов «Об архивах, обнаруженных в Академии наук» В.Г. Бухерт отмечает, что на заседании 11 декабря 1929 г. «наиболее последовательным оппонентом Кржижановского и, по существу, защитником академии выступил В.Д. Бонч-Бруевич. Аргументируя примерами из собственного опыта, он заявил, что Академия наук, будучи традиционным местом хранения документов нелегальных организаций и их печатных изданий, “сохранила для всей нашей истории то, что должно было погибнуть”. В.Д. Бонч-Бруевич подчеркнул: надо ценить то, что сделали академик А.А. Шахматов и член-корреспондент В.И. Срезневский для сохранения архивов» [11, с. 94]. Имелось в виду хранение Шахматовым и Срезневским до революции документов и нелегальной литературы, переданных в Архив Академии при посредничестве Бонч-Бруевича.

Бонч-Бруевич вел переписку с многочисленными репрессированными историками и другими деятелями культуры – в 1930-е годы это само по себе было решительным и мужественным поступком. А он к тому же заступался за обвиненных или подозреваемых, оказывал помощь арестованным и сосланным. Фактов помощи репрессированным было немало, а собранные вместе, они складываются в выразительную картину.

В.Д. Бонч-Бруевич «не побоялся принять» на работу в ГЛМ отбывшего срок Н.П. Анциферова. После его очередного ареста директор, как выясняется из введенного в научный оборот Д.С. Московской следственного дела Анциферова, дал арестованному «политическую и деловую характеристику», приведя

– в 1937 г.(!) – «собственное мнение о политической благонадежности сотрудника» [31, с. 63].

Известный критик и публицист Р.В. Иванов-Разумник, «находясь в ссылке в 1936–1937 гг. ... работал по заданию Литературного музея по подготовке к печати писем Андрея Белого к нему». Понятно, что некий официальный или полуофициальный статус заметно укреплял его положение. Когда его арестовали во второй раз, Бонч-Бруевич поднял на ноги всех сотрудников Музея, организовал составление справки об арестованном «объемистой, размером с большую статью в два печатных листа». Сам Иванов-Разумник считал, что именно этому он был обязан своим освобождением [26, с. 144].

Арестованный по «академическому делу» историк М.Д. Приселков оказался после ссылки в Галиче. Его старый друг историк В.Н. Бенешевич 11 октября 1934 г. обратился к В.Д. Бонч-Бруевичу «с таким ходатайством: “Обращаюсь к Вам с просьбой за давно и хорошо мне знакомого человека проф. Мих. Дмитр. Приселкова не потому только, что питаю к нему дружеские чувства, а потому, что в лице его погибает для науки человек в своем роде единственный. Значение его можно кратко и лучше всего выразить так: он продолжает работу А.А. Шахматова над летописями и он же единственный, кто мог бы подготовить к изданию оставшееся после Шахматова грандиозное исследование о летописях. Не говорю уже о том, что М.Д. талантливейший исследователь, и излагатель своих исследований, и человек, беззаветно преданный научной работе. Преступлений за ним столько же, сколько и за мной, и такие же, но он уже отбыл наказание и находится теперь на вольной ссылке в Галиче Костр[омской] губернии. Сердечно прошу Вас ради интересов возрождающейся историч[еской] науки не отказать в Вашем ходатайстве о разрешении М.Д. Приселкову вернуться в Л[енин]гр[ад]”. Возможно, что это ходатайство возымело действие. Постановлением ЦИК СССР от 17 декабря 1935 г. Приселков был освобожден от ссылки и вернулся в Ленинград» [27, с. 11–12].

Сам В.Н. Бенешевич был арестован в ноябре 1928 г., приговорен к 3 годам лишения свободы, затем привлечен к «академическому делу» и приговорен еще к пяти годам лагерей. В марте 1933 г. по ходатайству Бонч-Бруевича досрочно освобо-

жден и вернулся в Ленинград. Из переписки выясняется, что Бонч-Бруевич помогал и в освобождении жены Бенешевича и рекомендовал: «Вам лучше всего обратиться к П.Г. Смидовичу, заместителю Председателя ЦИК, возглавляющему Комиссию по амнистиям, и написать ему заявление» [7, л. 1 об.]. Когда эти действия не увенчались успехом, советует: «Самое лучшее... написать заявление нашему главному прокурору... Акулову и послать это заявление мне. Я со своей стороны сейчас же напишу ему письмо и не сомневаюсь в том, что он примет Ваше заявление в самое непосредственное внимание» [7, л. 8–8 об.]. Жену с помощью Бонч-Бруевича Бенешевич тогда вызволил, но сам он был арестован в 1937 и в 1938 г. расстрелян – помочь ему уже оказалось невозможно.

П.Г. Васенко арестован по «академическому делу» в 1930 г., после Соловецкого лагеря жил на поселении во Владимире. Оттуда обратился к Бонч-Бруевичу с предложением записать сохранившиеся в памяти «факты, даже мелкие, даже анекдотического характера, рисующие недавнее прошлое и его деятелей» и передать их в распоряжение Комиссии по созданию Центрального музея литературы. «Таким образом, – надеялся отчаянно нуждавшийся ссылный, – я получил бы некоторый заработок и не был бы таким бременем для моей трудовой, но мало зарабатывающей семьи, которую я невольно отягощаю расходами на мое содержание, расходами, для них чрезвычайно тяжкими» [12, с. 232–233]. Переписка продолжалась полтора года, были написаны для Государственного литературного музея «Мелочи прошлого быта» [13] и «Воспоминания о моей жизни и прошлом быте». Полученные за первое сочинение 250 руб. [12, с. 296] фактически спасли ссылного историка от голода.

В.И. Срезневский обращался к Бонч-Бруевичу во время разгрома Рукописного отделения БАН в 1929–1931 гг. [16, с. 246–247]. Сообщая 20 марта 1931 г. об аресте своего ближайшего помощника Ф.И. Покровского, приговоренного первоначально к 10 годам заключения, Всеволод Измайлович буквально умолял: «Придумайте, дорогой Владимир Дмитриевич, как можно облегчить его участь» [36, л. 4 об.]. Просил о бывших помощниках, «моих товарищах» – С.И. Еремине и И.И. Фетинове, которые «были взяты» в самом начале, потом выпущены

и снова взяты и «присуждены к 3-м годам лагерей». Они ни в чем не виноваты, они помогали присланным (т. е. комиссии Фигатнера. – *Н. М.*) разбирать рукописи. Что делать? Хлопотать? Как? [36, л. 5]. Арестован Б.Н. Жукович, прежний помощник по Рукописному отделению, ныне сотрудник Археологического института. Как помочь? [36, л. 60 об.]. В одном из писем В.И. Срезневскому Бонч-Бруевич писал: «Надо раз и навсегда помнить, что о всех подобных делах, о которых Вы мне пишете, необходимо сейчас же хлопотать у Председателя Ленинградского совета т. Кирова, который очень хороший человек» [10, л. 31] (любопытно, что должность Кирова названа ошибочно!). И далее: если дело закончено, «хлопотать, подавая заявление в Москву, в Комиссию досрочных амнистий (опять ошибочное название инстанции. – *Н. М.*) на имя П.Г. Смидовича, и идти к Кирову – хорошему, вдумчивому и справедливому человеку» [10, л. 33]. Был и другой вариант, о котором читаем в письме тому же Срезневскому: «Заявление Жуковича лучше послать в Комиссию по делам частных амнистий, но могу передать М.И. Калинину, а он направит по соответствующему руслу» [10, л. 21]. Иногда хлопоты оказывались успешными. Так, Срезневский благодарил за помощь Б.Н. Жуковичу, С.И. Еремину, Ф.И. Покровскому [36, л. 49, 53, 76]. Последнему в 1934 г. разрешено свободное проживание, он работал в Карельском отделении ВНИИ озерного и речного рыбного хозяйства, в 1938–1941 состоял на временной работе в Институте языка и мышления [25].

Так же действовал Бонч-Бруевич и в другом случае. Он писал председателю комиссии частных амнистий Смидовичу с ходатайством за племянника Н.Г. Чернышевского: «Дорогой Петр Гермогенович, подательница сего – жена Николая Александровича Пыпина, о котором я Вам как-то говорил и которую я лично первый раз в жизни вижу. С Н.А. Пыпиным я лично тоже не знаком, но... переписывался с ним по делу об архиве Чернышевского и Пыпина» и «очень много слышал о нем на пространстве 30 лет моей литературно-общественной деятельности». Бонч-Бруевич был очень хорошо знаком со Смидовичем и по его должности как председателя Комиссии по делам культов. А.Н. Пыпин был арестован в 1930 г. по «академическому делу», в феврале 1931 г. приговорен к 10 годам лагерей.

По настоянию Смидовича дело было пересмотрено [33, л. 16, 18, 20-20 об.], Пыпин освобожден в апреле 1933 г., вернулся в Ленинград. Высланный в начале 1935 г. из Ленинграда (в ходе «зачистки города после убийства Кирова») Н.А. Пыпин 1 апреля 1935 г. обратился к Сталину [14, с. 763]. Вероятно, ему и на этот раз удалось вернуться, потому что умер он в Ленинграде во время блокады в 1942 [34, с. 83].

В.Г. Дружинин арестован (тоже по «академическому делу») 25 июня 1930 г., приговорен к 5 годам лагерей, в 1932 г. оказался на поселении в Ярославской области, где он «был обречен вести ежедневную борьбу за выживание: не хватало денег на жилье, дрова и даже хлеб» [4, с. 224]. По инициативе Бонч-Бруевича В.Г. Дружинин приступил к работе над воспоминаниями [4, с. 214]. «Вообще очень хотел бы просить Вас, – писал ему Бонч-Бруевич 20 мая 1933 г., – не найдете ли возможным в Вашем ярославском уединении начать писать Ваши записки о всех ваших литературных встречах, знакомствах, различных документах, Ваших исследованиях и т. д., и т. д. Это было бы очень интересно и мы бы охотно все это напечатали бы» [9, л. 14]. И затем не раз повторял: «Ждем от Вас дальнейшего продолжения Ваших воспоминаний» [9, л. 23]; «Советую продолжать писать воспоминания» [9, л. 30]. В ответ пишется: «Очень Вам признателен, что Вы даете мне работу: она оживила меня» [18, л. 15–15 об.]. Бонч-Бруевич сочувствует, дает указания о высылке денег, бумаги и перьев, но настаивает на продаже архива музею, что и было осуществлено [4, с. 225, 226]. Дружинин, в свою очередь, неоднократно повторяет, что без своих архивов не может работать, а получив к ним доступ, мог бы сделать много полезного [18, л. 10–10 об.].

Но дело было не только в архивах и воспоминаниях: Бонч-Бруевич помог Дружинину добиться освобождения и возвращения в Ленинград. Способ действий тот же: «Советую написать подробно на имя П.Г. Смидовича, председателя комиссии частных амнистий» [9, л. 10]. Ссылный просит: «Вы, конечно, знакомы с П.Г. Смидовичем, попрошу Вас, когда я напишу, замолвить обо мне словечко» [18, л. 10]. Через два года Дружинин повторяет: «...с Вашего разрешения посылаю мое заявление на имя прокурора с покорнейшей просьбой прочесть его... Если... найдете текст... удовлетворительным, то передать

его по назначению т. Акулову с Вашей на прошении моем подписью» [18, л. 41–41 об.]. Со слов сына Дружинин узнает, что Бонч-Бруевич принял участие в деле и добавляет: «... уповаю на успех Вашей помощи» [18, л. 44]. Далее Бонч-Бруевичу отправляется заявление ссыльного на имя М.И. Калинина [18, л. 49]. На это следует ответ: «Получил Ваше заявление на имя М.И. Калинина и немедленно передал его по принадлежности, ничего в нем не исправив, так как нахожу, что оно вполне хорошо составлено» [9, л. 42]. На этот раз хлопоты увенчались успехом – Дружинину было разрешено вернуться, причем даже деньги на обратную дорогу были высланы из музея [4, с. 266].

Особое место среди корреспондентов и «подзащитных» Бонч-Бруевича занимал его давний знакомый и сотрудник, педагог, этнограф, библиофил и краевед И.С. Абрамов [28]. Часть их переписки, отложившейся в фондах РГАЛИ, была опубликована в 2003 г. тюменским филологом, краеведом и издателем Ю.Л. Мандрикой [32], но большой массив писем за 1910–1954 гг. сохранился в личном фонде Бонч-Бруевича в ОР РГБ.

В 1931 г. Бонч-Бруевич получил от своего давнего знакомца открытку с поразившими его сведениями: «В настоящее время, – писал Абрамов 15 июня 1931 г., – я выслан в Котлас (Северн[ый] край) на три года (за распростр[анение] краеведч[еской] литературы, согласно офиц[иальным] данным). Живу в одном из барачков, верстах в 3-х от города» [2, л. 16]. В Котлас следует ответ: «Очень изумлен всем тем, что с Вами произошло. Убежден, что это какое-то недоразумение. Советую Вам совершенно объективно, честно, искренне написать о всем Вашем деле Первому заместителю Председателя ОГПУ тов. Акулову и просить о пересмотре дела». К этому обычному совету добавлены знаменательные слова: «И в этом Вашем заявлении можете сослаться на меня, что я Вас давно и хорошо знаю» [6, л. 23].

Следующее письмо Абрамова имеет значение не только для характеристики позиций автора и помогавшего ему Бонч-Бруевича. Оно важно для истории краеведческого движения и его разгрома, поэтому приводится полностью.

«1931 г. 29 августа.

Адрес: Сольвычегодск (до востребования)

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Шлю Вам привет с далекого севера, из старинной “Соли Вычегодской”, куда я выслан “за распространение краеведческой литературы”, которая, как известно, издавалась всецело советскими учреждениями.

Судьбе угодно было, чтобы Вы были многолетним свидетелем моей совершенно безупречной общественной работы, как до 17-го года, так и при советской власти. Если бы я ограничился только учительством в городской школе, можно думать, меня бы не трогали; но на свою беду (говорю совершенно искренне) я интересовался наукой, интересовался литературой; сам писал; но я не написал ни одной строчки, к которой можно бы придаться, не сказал ни одного предосудительного слова в своих многочисленных лекциях и докладах... И все же я выслан в Северный край и попал сперва в “Макариху”, потом в Котлас и далее в Сольвычегодск. Несмотря на свои 56 лет, корчевал лес, а теперь работаю в конторе на постройке одной тракторно-ремонтной мастерской.

О книгах и рукописях приходится забыть; иногда лишь в руки попадает запоздалая газета. Конечно, я ни единой секунды не обвинял в своих злоключениях советский строй, я виню отдельных людей, которые без должного внимания отнеслись к какой-то подлой клевете, которые увидели преступление в “распространении краеведческой литературы”. А между тем я был членом-сотрудником Московского Центрального бюро краеведения (по избранию), возглавляемого партийцем, и считал своею обязанностью распространять советскую краеведческую литературу. Неужели Московское Центральное бюро краеведения не поможет мне выбраться из незаслуженного несчастья? В самом деле, что совершил я преступного? Я сотрудничал в московском журнале “Советское краеведение”, в котором, между прочим, описал жизнь и краеведческую работу одного коммуниста из Козьмодемьянска, бывш[его] рабочего, а потом основателя самого замечательного музея в Чувашской республике. Клянусь дорогой памятью Веры Михайловны, что последнее обстоятельство почему-то было поставлено мне в вину (на допросе). Вам известна моя краеведческая книжка «Познание местного края», ее рекомендовал краеведам журнал М.

Горького «Наши достижения». И все-таки я был выслан в “Макариху” и определен корчевать лес...

В[ладимир] Д[митриевич]! Разве советской власти не нужны культурные работники, вышедшие из самых беднейших слоев и работавшие все время только для советской власти? Приближается северная зима, а с нею и работы на лесных заготовках, конечно, нелегкие для старого научного работника. В[ладимир] Д[митриевич]! Когда-то с блестящим успехом Вы выступали на защиту Бейлиса! Заступитесь теперь за меня, т. к. я несправедливо зачислен в противный лагерь... Эх, отчего я в свое время не переехал в Москву... Глубокоуважаемый В[ладимир] Д[митриевич], окажите мне содействие как Вашему б[ывшему] сотруднику! Буду надеяться.

С приветом И. Абрамов» [2, л. 17–18 об.].

Несколько необходимых пояснений. «Макариха» – лагерь из бараков для раскулаченных и прочих спецпереселенцев. Во главе Центрального бюро краеведения в 1927–1931 гг. стоял П.Г. Сидович. В журнале «Советское краеведение» в цикле биографических очерков о краеведах И.С. Абрамов писал о заведующем Горно-марийским музеем С.Ф. Пустырникове, одном из учредителей краеведческого общества в Козьмодемьянске [1]. В соавторстве с А.П. Дзенс-Литковским он опубликовал книгу «Познание местного края» [17]. В 1913 г. В.Д. Бонч-Бруевич «участвовал в качестве эксперта и корреспондента ряда газет и журналов в процессе М. Бейлиса, обвинявшегося в “ритуальных убийствах”» [39, с. 297].

Менее, чем через полгода Иван Спиридонович, сообщая «радостную весть о пересмотре... дела», горячо благодарит Бонч-Бруевича: «Пересмотр – результат Ваших хлопот, Вашего участливого отношения» [2, л. 20–20 об.]. После освобождения и возвращения в Ленинград Абрамов становится – сначала неофициально, а с 1932 г. и формально – представителем ГЛМ в Ленинграде [32, с. 145] и немало способствует получению музеем книг, портретов, рукописей и других материалов.

В сентябре 1933 г. И.С. Абрамов вновь был арестован – на сей раз по «делу Ленинградского научного общества по изучению украинского языка и литературы» («делу славистов») [3, с. 43] и обвинен в украинском национализме, семь месяцев он находился в ДПЗ и был выслан в Тобольск. Бонч-Бруевич 17

ноября 1933 г. писал начальнику Ленинградского ОГПУ Медведю, 29 ноября 1933 г. самому Кирову. Он пытался «ускорить рассмотрение дела Абрамова и, если оно недостаточно серьезно, выпустить его на поруки» [32, с. 147]. В письме Кирову добавлял, что «И.С. Абрамов совершенно советский человек, он глубокий демократ» [32, с. 149–150]. Удалось добиться лишь того, что «распечатали комнату» и дали возможность «перед отъездом в Западную Сибирь сдать все дела, связанные... с музеем» [32, с. 151]. В Тобольске Абрамов занимался поиском материалов для музея, но не оставлял надежды на возвращение. «Если Вы считаете себя неправильно осужденным, – отвечает Бонч-Бруевич 7 декабря 1934 г., – то немедленно подавайте заявление на имя Верховного Прокурора Союза тов. И.А. Акулова и Председателю Комиссии по делам частных амнистий тов. П.Г. Смидовичу. Заявления Ваши присылайте мне. В этих Ваших заявлениях опишите чистосердечно все Ваше дело» [32, с. 169]. Копии заявлений на имя Калинина и Смидовича сохранились в фонде Бонч-Бруевича.

В 1936 г. Абрамов получил из Верховного суда извещение о том, что его заявление «оставлено без последствий» [32, с. 183]. Через месяц Бонч-Бруевич отправляет ему официальную справку о том, что «Абрамов, живя в г. Тобольске, работает по собиранию исторических и литературных материалов, которые доставляет нам в Государственный Литературный музей» [32, с. 185]. В конце 1937 или начале 1938 г. Абрамов вернулся из ссылки, но жил уже не в Ленинграде, а на родине, в селе Воронеж Сумской области [28].

Возможности Бонч-Бруевича, и без того весьма ограниченные, резко сузились во второй половине 1930-х годов. Уже 4 мая 1934 г. на заседании политбюро от имени ОГПУ было доложено «о вредительских действиях» руководства Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики, которое активно скупало литературные архивы бывших противников советской власти, попутчиков и оппозиционеров и, по мнению чекистов, тем самым за государственный счет финансировало “врагов народа”. Другим недостатком деятельности руководства и лично директора музея В.Д. Бонч-Бруевича называлась “засоренность аппарата музея неблагонадежными элементами” [14, с. 759–760]. Все же тогда, что называется,

«обошлось»: постановление политбюро сократило финансирование музея, и приняло решение «тов. Бонч-Бруевичу, не проявившему необходимой бдительности и допустившему засоренность аппарата музея, поставить на вид» [14, с. 214].

В конце 30-х годов собрание ГЛМ «с материалами “врагов народа” день ото дня становилось все более угрожающим для самих хранителей». Директору «приходилось давать письменные объяснения об обстоятельствах приобретения» архивов «неблагонадежных». Бонч-Бруевича часто упрекали, что он приобретает материалы гораздо шире официальных задач музея, засоряет фонды, в справках об архивных фондах «заметно желание их составителей подогнать приобретенные материалы под профиль Музея» [30, с. 180]; «музей становился объектом всевозможных проверок; в заключениях комиссий писалось, например: “Помощь бывшим людям идет не только по линии закупки у них всяких ненужных вещей, но и путем предоставления им литературной работы, не представляющей интереса для музея”» [42, с. 71]. В марте 1940 г. Бонч-Бруевич перестал быть директором созданного им музея. Не исключено, что, помимо названных идейно-политических «недостатков» и «ошибок», травля его была обусловлена и многолетними дружескими отношениями, и перепиской с арестованными и ссыльными.

Можно предположить, что Бонч-Бруевичем двигала не только забота о сохранении литературно-художественного наследия («все подобные ценности, как рукописи, письма, редкие книги ни в коем случае нельзя было держать у себя, а следовало передавать в архивохранилища, где все это было бы сохранено», – писал он [32, с. 205]) и гуманное, человеческое отношение к находившимся в тяжелейшем положении людям. Замечания и нарекания, а порой и обвинения со стороны партийного руководства и «органов» довольно четко коррелируют со смыслом и содержанием его переписки с репрессированными историками. После восстановления преподавания «гражданской истории» Бонч-Бруевич писал 17 июня 1934 г. В.Н. Бенешевичу: «Я очень радуюсь тому, что исторические факультеты восстановлены во всех университетах, что должно сильно толкнуть нашу науку и исследования» [7, л. 14–14 об.]. А слова, с горечью и откровенно высказанные незадолго перед последним

арестом Бенешевича, явно адресованы единомышленнику: «... историю, которую [М.Н.] Покровский разрушил быстро, за 10 лет не устроить вновь» [7, л. 71 об.].

Собирательская и просветительная деятельность Бонч-Бруевича не вписывается в стереотипные представления о «твердокаменном большевике», ее направленность и размах показывают, что он прекрасно понимал необходимость сохранения «осколков прошлого» [21, с. 72, 73]. Его удивительная судьба и огромная роль в создании ГЛИМ, спасении множества памятников русской культуры и самих уцелевших ее носителей заслуживает особой серьезной монографии.

Список литературы и источников

1. Абрамов И.С. Краеведы-самоучки. Заведующий горно-марийским музеем С.Ф. Пузырников // Советское краеведение. 1930. № 5. С. 24–25.
2. Абрамов И.С. Письма Бонч-Бруевичу В.Д. // ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 229. Д. 5.
3. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Дело славистов: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 284 с.
4. Берестецкая Т.В. В.Г. Дружинин: новые материалы к биографии // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.) / Исследования по русской истории. Вып. 2. М.: Археографический центр, 1994. С. 214–227.
5. [Бонч-Бруевич В.Д.] «Не дрогнет рука привести в НКВД и дочь, и сына, и внука». Письма старого большевика // Источник. Документы по русской истории. 1996. № 3/4. / Старая площадь. Вестник Архива Президента РФ / подг. А. Коротков, В. Лебедев, С. Мельчин, А. Степанов. С. 146–156.
6. Бонч-Бруевич В.Д. Письма Абрамову И.С. // ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 122. Д. 3.
7. Бонч-Бруевич В.Д. Письма Бенешевичу В.Н. // РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 443.
8. Бонч-Бруевич В.Д. Письма Боровковой-Майковой М.С. // РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 505.
9. Бонч-Бруевич В.Д. Письма В.Г. Дружинину // ОР РГБ. Ф. 369. К. 145. Д. 30.
10. Бонч-Бруевич В.Д. Письма Срезневскому В.И. // ОР РГБ. Ф. 369. К. 206. Д. 7.
11. [Бухерт В.Г.] «Мы лазили под все шкафы, шарили во всех углах». Доклад Г.М. Кржижановского в Обществе историков-марксистов. 1929 г. / публ. подг. В.Г. Бухерт // Исторический архив. 2014. № 1. С. 93–110.
12. Васенко П.Г. Воспоминания о моей жизни и прошлом быте / вступ. статья, публ., коммент., указат. Н.П. Матхановой, отв. ред. акад. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 331 с.
13. Васенко П.Г. Мелочи прошлого быта. Анекдотические факты из жизни «высокопоставленных» лиц, артистов, прославленный театрального мирка, духовных академиков, профессоров и других ученых, педагогов,

директоров учебных заведений / предисл., подг. текста, коммент. А. В. Силенова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 123 с.

14. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 / сост. А.Н. Артизов, О.Н. Наумов. М.: МФД Материк, 2002. 868 с.

15. Горяева Т.М. Одна из оригинальнейших и замечательных реализаций, осуществленная в СССР (к 70-летию РГАЛИ) // Отечественные архивы. 2011. № 2. С. 27–39.

16. Горяинов А.Н. Всеволод Измайлович Срезневский – археограф, славяновед и общественный деятель // Славянский альманах. 2002. М.: Индрик, 2003. С. 237–252.

17. Дзенс-Литовский А.П., Абрамов И.С. Познание местного края. Объяснение, содержание и приемы ведения краеведческой работы и организации местного музея. Планы работ и краткие программы для изучения своего края. Л.: «Колос», 1925 / предисл. С.Ф. Ольденбурга. 180 с.

18. Дружинин В.Г. Письма В.Д. Бонч-Бруевичу // ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 267. Д. 17.

19. Житомирская С.В., Гапачко Л.В., Шлихтер Б.А. Архив В.Д. Бонч-Бруевича // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. М.: ГБЛ СССР, 1962. Вып. 25. С. 7–79.

20. Клибанов А.И. В.Д. Бонч-Бруевич и проблемы религиозно-общественных движений в России // Бонч-Бруевич В.Д. Избранные сочинения. М.: Изд-во Акад. наук СССР. 1959. Т.1. О религии, религиозном сектантстве и церкви. 410 с. С. 7–28

21. Клибанов А.И. Из воспоминаний о В.Д. Бонч-Бруевиче // Вопросы научного атеизма. М.: Мысль, 1983. Вып. 31. С. 269–295.

22. Клибанов А.И., Коган Ю.Я., Сурикова К.Б., Шейнман М.М. Краткий очерк общественно-политической и научной деятельности // Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873–1955) / вступ. ст. Г.И. Петровского, библиография сост. Н.М. Нестеровой и К.Б. Суриковой. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. С. 21–24.

23. Копанев А.И. Всеволод Измайлович Срезневский – библиотекарь Библиотеки Академии наук // Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. [Вып. III]. Л.: Издат. отдел БАН СССР, 1973. С. 214–245.

24. Копанев А.И. Об одной легенде // Книга в России XVIII – середины XIX в.: Из истории Библиотеки Академии наук. Л.: БАН СССР, 1989. С. 75–83.

25. Крапошина Н.В. Биография Федора Ивановича Покровского в личных документах и научной переписке (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Академический архив в прошлом и настоящем. Сборник научных статей к 280-летию Архива Российской академии наук. СПб.: Нестор-История. 2008. С. 369–381.

26. Лавров А.В. О Блоке и Пушкине (Царском Селе). Письмо Иванова-Разумника к В.Д. Бонч-Бруевичу // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 143–150.

27. Лурье Я.С. [Предисловие] // Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. / изд. подгот. В.Г. Вовиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 5–29.

28. Матханова Н.П. Краевед и библиофил И.С. Абрамов и его письменное наследие // Духовная культура и общественная мысль России в литературных и исторических памятниках XVI–XXI вв. / Археография и источниковедение Сибири. Вып. 35. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2016 (в печати).

29. Межова К.Г. Деятельность В.Д. Бонч-Бруевича по собиранию документов личного происхождения // Советские архивы. 1973. № 3. С. 37–42.

30. Межова К.Г. Материалы о собирании В.Д. Бонч-Бруевичем литературных архивов (Обзор документов личного фонда) // Труды МГИАИ. Т. 30. Вып. 1. Историография и источниковедение истории СССР. М.: МГИАИ, 1974. С. 176–184.

31. Московская Д.С. Н.П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930 гг.: К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 431 с.

32. Переписка И.С. Абрамова с В.Д. Бонч-Бруевичем / публ. Ю.Л. Мандрики // Лукич. 2003. № 3. С. 145–206.

33. Письма и заявления граждан на имя М.И. Калинина и материалы по проверке фактов, изложенных в письмах и заявлениях // ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 66 а. Д. 72.

34. Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 598 [2] с. / Комм. Краснобородько Т.И., Хитрово Л.К.

35. Селезнев В.М., Селезнева Е.О. Дело Виктора Гроссмана // Вопросы литературы. 2004. № 6. С. 227–245.

36. Срезневский В.И. Письма Бонч-Бруевичу В.Д. // ОР РГБ. Ф. 369. К. 338. Д. 18.

37. Старостин Е.В. Хорхордина Т.И. Декрет об архивном деле 1918 года // Вопросы истории. 1991. № 7/8. С. 41–52.

38. Чудакова М.О. Рукопись и книга: Рассказ об архивоведении, текстологии, хранилищах рукописей писателей: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1986. 173 с.

39. Шахнович М.И. В.Д. Бонч-Бруевич – исследователь религиозно-общественных движений в России // Ежегодник музея истории религии и атеизма. М.;Л., 1964. Вып. 7. С. 293–297.

40. Шмидт С.О. «Справка» В.Д. Бонч-Бруевича о деятельности академика А.А. Шахматова // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971. С. 375–377.

41. Шумихин С.В. Образование, комплектование и использование архивного собрания Государственного литературного музея в 1931–1941 гг.: Автореф. дис. канд. ист. наук. М.: МГИАИ, 1983. 29 с.

42. Шумихин С.В. Письма наркомам // Знание – сила. 1989. № 6. С. 69–74.